

ЭССЕ О ГРАНИЦЕ

Надя Нартова

Надя Нартова. Адрес для переписки: Центр независимых социологических исследований. 191040, Санкт-Петербург, Лиговский проспект. 87, офис 301. nartova@indepsores.spb.ru.

А сны его были все те же: границы... желание...

Джанет Уинтерсон. Бремя

И в повседневном языке, и в академической дискуссии категория «граница» остается важным кодом, обозначающим различие. Политические, символические, культурные границы разделяют, различают, размечают физические, политические и социальные пространства. Где бы эти линии не актуализировались: в географическом атласе, в договорах о территориях, в головах людей — они являются линиями разметки «между». Другой вопрос, что они разводят, различают: равностатусные территории национальных государств, классы и мильё, опасные и безопасные зоны, «мы–они», что следует из этого разграничения и, немаловажно, каким образом оформляется, воплощается это различие. И... «границы» всегда порождают желание: желание их возводить и желание разрушать, желание защищать и желание нарушать, желание пересекать и желание двигаться вдоль, желание понять и желание забыть. Хотя и у желания есть границы...

...ОТ ГРАНИЦЫ К ГРАНИЦЕ...

Изменение «политической карты», создание политических «профсоюзов», процессы глобализации, миграция и другие подобные процессы поставили вопрос о проницаемости и динамичности границ, но не отменили последние. Безусловно, дебаты о границе как линии жесткого рассечения (непроницаемой даже для взгляда, чему хорошей иллюстрацией может служить Берлинская стена) сменились дискуссией о границе и приграничье как особых видах пространства, которые, может быть, и маргинальные, но специфические, динамичные, креативные. Эти приграничные пространства не обладают статичностью раз и навсегда заданных кодов и категорий, раз и навсегда заданных идентичностей и практик. Они позволяют реализовывать совершенно иные жизненные стратегии, играть и при-

сваивать себе различные национальные, культурные и другие значения и воплощения (например, Глория Анзалдуа, описывая американо-мексиканское приграничье, говорит о том, что это особая территория, может быть и низкостатусная, невидимая, маргинальная, но в то же время позволяющая «впитывать» различные культуры, менять и меняться, гибко использовать ресурсы сторон — Anzaldúa 1999). То есть пространство «между» есть пространство специфическое, динамическое, поликультурное, множественное. Более того, например, пересечение границ/ы, нахождение / прохождение транзитных зон выступает для современных исследователей новым теоретическим ресурсом для концептуализации субъективности, которая способна осуществляться вопреки, поперек, выпадая из-под контроля и власти фаллологоцентризма. Так, Роза Брайдотти (2001) пишет:

За эти годы мне стало ясно, что без таких географических перемещений я не могу писать вообще — и что я пишу *не* об этом. Но я питаю особую страсть к местам перехода, что поджидают меня на моем пути: станции и залы ожидания, трамваи, автобусы дальнего следования, пропускные пункты. В промежуточных зонах, где все связи отодвигаются и время растягивается в «настоящее длительное». Оазисы непринадлежности, пространства отделенности. Ничьи земли... (141).

Итак, продолжает Брайдотти:

публичные пространства как области творчества высвечивают парадокс: они одновременно нагружены сигнификацией и глубинно анонимны; это пространства отстраненного передвижения, но также источник вдохновения, визионерской интуиции, подлинной свободы творчества (142–143).

Аналитическая романтизация приграничья и преодоления границ несомненно связана с опытом и историей самих исследователей. Разрабатывающая категорию «номады» Брайдотти наслаждается залами ожидания (европейских аэропортов), переходами из страны в страну (с европейским паспортом), возможностью ощутить себя как дома в разных уголках мира (принадлежа к пространству европейских и американских интеллектуалов). Но концептуализация режима открытых, отчасти условных границ и транзитных зон (в рамках европейского опыта) или отказ видеть их таковыми (при ином исследовательском и личном опыте) говорит о том, что локальная аналитика не всегда может быть релевантной для других территорий и пространств, поскольку граница/ы никогда не универсальны и унифицированы.

Вероятно, можно говорить о множестве границ, более того, о множественности, которой предстает одна конкретная граница в зависимости от того, кто ее пересекает, кто рядом с ней существует, кто ее обслуживает. Будет ли это пограничник, для которого время структурировано нарядами, будет ли это турист, для которого граница начнется задолго до ее пересечения — например с получения

визы, будет ли это контрабандист, для которого приграничная территория — это пространство тайных встреч и ходов, будет ли это политик, подписывающий территориальное соглашение, забывая о людях в приграничных поселках, которые ходят «туда» за хлебом. Каждый из них и вовлечен в процесс конституирования границы, и конституируется последней. Необходимо, скорее, говорить о «режимах границы» на одном конкретном «граничном пространстве»: то есть о совокупности структур и практик, в которых эта граница воплощается. Например, «торговый / экономический режим», «туристический режим», «военный режим». Каждая «конкретная» граница будет обладать / сопровождаться рядом режимов границы, одни из которых будут доминирующими, другие подчиненными, какие-то — нелегитимными. Так, если российско-абхазская граница предстает скорее торговым и туристским режимами (как доминирующими), то, по рассказам коллег, абхазско-грузинская граница — военная и политическая. Не только выделяя режимы, но и анализируя отношения между ними, их взаимо-действия / взаимо-сочетания и иерархии, мы можем понять, каким образом организуется, структурируется, воплощается повседневность границы и приграничья.

...ВНУТРИ ГРАНИЦЫ...

В то же время граница воплощена — из линии на карте она разворачивается физически ощущаемым пространством, наполненным людьми, строениями, машинами, заборами и так далее. Физический термин «голография», обозначающий метод получения объемного изображения предмета, основанный на интерференции (сложении) волн (Надель-Червинская и Червинский 1995: 355) можно использовать как метафору в понимании границы — границы, которая разворачивается специфическими правилами, практиками, действиями и словами. Граница как голограмма — смотришь с одной стороны: она предстает плоским, относительно понятным (потому что плоским), поблескивающим (вспомните свои ощущения от голографических изображений) пространством. Чуть повернешь голову, поймает точку взгляда — и она разворачивается, насыщается, приобретает объем. И в этом эффекте голограммы присутствует важная характеристика — непрозрачность, поскольку ты никогда не видишь целиком, более того, ты никогда не знаешь, что увидишь. Или, другими словами — скрытость, спрятанность, когда рисунок на поверхности не дает возможности понять, что внутри, пока не наткнешься на «точку видения», пока не вступишь во «взаимодействие» с рисунком, пока заманчивая, но относительно понятная поверхность не поймает тебя и не развернется трехмерным изображением.

Так, русско-абхазская граница, функционирующая как граница между национальными государствами и по идее «обязанная» быть формализованной и четкой, разворачивалась совершенно неожиданными эффектами / структурами. Действующий паспорт — только внутренний российский (а не загранпаспорт или паспорта других стран), что маркирует скорее пропуск на специальную, режимную территорию в рамках одного культурного и политического пространства, нежели переход в другое государство.

Для меня переход российско-абхазской границы вызвал ощущение перехода / попадания в закрытую зону то ли военных действий, то ли стихийного бедствия: из шумной, живой и застроенной российской стороны ты попадал на территорию, которая начиналась бетонным забором, что-то было перекопано, ближайшие к границе постройки / дома были брошены и разрушены. Более того, сам пограничный переход напомнил скорее пропускной пункт, цель которого — проверить право на вход и предупредить об «опасности».

(Из полевого дневника)

Само граничное пространство представляло собой пешеходный переход, который совершенно неожиданно начинался с торгового рынка на российской стороне и выходил на «вокзальную» площадь с абхазской. Потерявшаяся между прилавками и маршрутками «граница», практически лишенная маркировки и национальной символики, в то же время воплощалась всеми положенными институциональными структурами: паспортный контроль, таможенный досмотр и даже магазин «Duty Free».

С российской стороны я не увидела даже российского флага, лишь две надписи: «Из России» и «В Россию», вызывающие лирические ассоциации с китайской стеной (разграничивающей мир / цивилизацию / жизнь и не мир / не цивилизацию / не жизнь)¹.

(Из полевого дневника)

«Коридор», ведущий к пограничным пунктам, обрамленный решетчатым забором, оказывался проницаем — местами были дыры, местами сегменты забора открывались, как ворота. Таким образом, «строгость» территории раскрывалась / аннулировалась / распространялась торговыми палатками, складами, машинами такси, проходными дворами и так далее.

Вспоминаю наш с коллегой вопрос на рабочем семинаре по свежим впечатлениям: объясните, зачем коридор и что он отгораживает, если он ничего не отгораживает?

(Из полевого дневника)

Абхазские пограничный и таможенный пункты, на первый взгляд свидетельствующие о себе «будками» на мосту, разворачивались наличием помещения под мостом в ситуации «усиленной проверки». Человек «в штатском» оказывался «утеплившимся» абхазским пограничником.

1 О значении китайской стены или римского лимеса подробнее смотри в диссертационном проекте Ольги Бредниковой «Новое российское приграничье: процессы ре- и детерриториализации» (неопубликованная рукопись диссертации, доступна в библиотеке ЦНСИ).

— А где Лена?

— Ее увели под мост.

Это было довольно странно, так как казалось, что под мостом бежит горная речка и там ничего нет, то есть нет никаких строений, и «выяснять обстоятельства» там невозможно — возможно только утопить².

(Из полевого дневника)

Сам режим контроля «за документами и товаром» предстал игрой «камень-ножницы-бумага»: кто-то не имеет права пересекать границу вообще, у кого-то с абхазской стороны даже не смотрят документы, кто-то, предъявив два раза паспорт (на каждом пункте), проходит из одной страны в другую, кто-то вдруг попадает на получасовые допросы. При этом вызвавший подозрения вчера оказывается легитимным завтра.

Можно было бы сказать, что в ситуации нерелевантности официальных правил начинают действовать неформальные. Однако и неформальные должны быть известны, ведь чтобы правило было, ему должно быть следование, а значит — повторение и «схема». На российско-абхазской границе можно говорить скорее не о правилах (отменить наличие правил совсем пока не представляется возможным), а о конкретных локальных ситуациях, которые возникают и решаются специфическим образом. Граница (как властный институт, как воплощение власти) номинирует, выцепляет кого-то (для специальной проверки, выяснения обстоятельств, уплаты неформального сбора и так далее), и не знаешь, кто будет этим «объектом» границы в следующий раз, и не знаешь, какую игру и какие отношения тебе предложат, сможешь ли ты их оспорить. В этом и есть голографичность границы — она может открыться / развернуться другими (неизвестными заранее, не прожитыми ранее) пространствами, людьми, ситуациями.

Ольга Бредникова, говоря о русско-эстонской границе на переходе «Ивангород–Нарва», пишет об «атмосфере» тайны, напряжения, тревоги, желания поскорее пройти на пограничном мосту и КПП³. Это — объективация, которую осуществляет граница по отношению к человеку, в том числе через страхи и риски «быть не пропущенным», задержанным и так далее. Напряжение, вызываемое непрозрачностью. Какие правила каждый должен знать, чтобы чувствовать себя комфортно?

На полевых семинарах мы говорили о «мерцающей границе»⁴, но мерцающая — эта та, которая то есть, то нет, то видна, то нет. И то, что видно, может быть знакомым, понятным, контролируемым и регулируемым. Голограмма же — это

2 Во время нашего перехода границы из России в Абхазию одну из наших коллег, с российским паспортом, российским гражданством, всю жизнь прожившую в Санкт-Петербурге, но с грузинской фамилией, абхазские пограничники после тщательной проверки так и не пропустили в Абхазию.

3 См. уже упомянутую диссертацию Ольги Бредниковой.

4 Категория предложена Еленой Никифоровой.

развертывание, насыщение объемом, трехмерностью, возможно, каждый раз по-новому. Голографическая граница — это граница непрозрачная (с непрозрачным пространством, непрозрачными правилами, непрозрачными агентами). Непрозрачность существует как код ситуативности (кого пустят, кого нет, сможем договориться — не сможем). Формальный институт воплощается пространством вне правил.

Мне хотелось сказать, что, рассматривая феномен границы, важно заглянуть вовнутрь, не забыть, не упустить — в стремлении к аналитической классификации и концептуализации, в стремлении представить мир прозрачным и понятным — множественность, всегда множественность, для которой подчас не хватает привычных кодов говорения / письма. Дело не в том, чтобы искать и находить или искать и не находить, или даже не искать, но находить, а дело в том, чтобы не отказывать себе в праве чувствовать. То есть позволить смутному ощущению непонятного, неправильного, странного, неоднозначного, развиться в желание понять. *А сны его были все те же: границы... желание...*

БИБЛИОГРАФИЯ

- Брайдотти, Роза. 2001. Путем номадизма // *Введение в гендерные исследования*. Ч. 2: *Хрестоматия* // Под ред. С.В. Жеребкина. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя: 136–163.
- Надель-Червинская М.А., и П.П. Червинский. 1995. *Большой толковый словарь иностранных слов*. Т. 1. Ростов-на-Дону: Феникс.
- Anzaldúa, Gloria. 1999. *Borderlands: The New Mestiza / La Frontera*. San Francisco: Aunt Lute Books.